Воспоминанія стариннаго офицера лейбъ-гвардіи Волынскаго полка В. П. Юрлова.

Я родился въ г. Симбирскѣ, въ 1830 году 19 Января. Отецъ мой, старый ветеранъ, начавшій службу въ рядахъ Рыльскаго пѣхотнаго полка, участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ и имѣлъ за Бородино золотую шпагу и Владимира съ бантомъ за отличіе на штурмѣ Монмартра при взятіи Парижа. За тѣмъ онъ прослужилъ 22 года, по выборамъ Симбирскаго дворянства, совѣстнымъ судьею, уѣзднымъ предводителемъ дворянства и наконецъ (восемь послѣднихъ лѣтъ) Симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и былъ награжденъ многими орденами.

Дѣдъ мой, Иванъ Петровичъ Юрловъ, служилъ при Екатеринѣ II-й въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку; прадѣдъ, Петръ Семеновичъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ, пра-прадѣдъ Семенъ Акимовичъ былъ при Петрѣ Великомъ полковникомъ Азовскаго пѣхотнаго полка, а при Екатеринѣ I-й бригадиромъ и вице-президентомъ Московскаго Надворнаго Суда. Дальнѣйшіе предки имѣли жалованныя имѣнія въ Нижегородской губерніи (при царѣ Василіи за Московское осадное сидѣнье 1612 г. и ранѣе). Предки мои были очень богаты и владѣли многими селами и деревнями въ губерніяхъ Нижегородской, Петербургской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Симбирской. Отецъ мой, также весьма богатый помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими тысячами десятинъ земли, былъ между прочимъ, любителемъ старины, рѣдкихъ вещей и картинъ, стоимостью въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Все это пошло въ родъ сестры моей, бывшей за мужемъ за д. с. с. П. П. Мещериновымъ, дѣти котораго и понынѣ люди богатые и недавно еще получили имѣніе дяди моего, А. И. Юрлова, богатѣйшее село Чертановку и 140 тысячъ деньгами.

Мать моя, Елисавета Егоровна Юрлова, скончалась всего 22 лѣтъ отъ роду, оставивъ меня одиннадцатимѣсячнымъ ребенкомъ. Ее замѣтилъ императоръ Александръ Павловичъ въ бытность свою въ Симбирскѣ, съ нею танцовалъ на балу Симбирскаго дворянства, и во всеуслышаніе сказалъ, что такой красоты онъ не встрѣчалъ ни въ Россіи, ни за границей. Безподобный могильный памятникъ ея и сейчасъ красуется противу алтаря церкви Симбирскаго Покровскаго монастыря. (Въ этомъ же родовомъ склепѣ схороненъ и отецъ мой, скончавшійся въ 1869 г. 78-ти лѣтъ).

Въ 1837 году я былъ привезенъ въ Петербургъ, наканунѣ пожара Зимняго дворца, и эта страшная картина навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что пожаръ былъ передо мною какъ на ладони; ибо мы жили тогда у родственника нашего [1]), въ его квартирѣ, въ зданіи Главнаго Штаба и окнами прямо на дворцовую площадь. Въ этомъ-же году я поступилъ въ извѣстный тогда пансіонъ А. Я. Филипова, гдѣ пробылъ до 1842 года, когда поступилъ въ приготовительный пансіонъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, которые содержались сначала горнымъ-инженеромъ Вержбицкимъ, а въ 1843 году наставникомъ—наблюдателемъ военно-учебныхъ заведеній, А. А. Комаровымъ. Самыя лучшія и свѣтлыя воспоминанія мои относятся именно ко времени пребыванія въ пансіонѣ А. А. Комарова. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ. Пріятель Гоголя и Бѣлинскаго, онъ тогда познакомилъ съ нимъ и насъ дѣтей; однажды я даже поднесъ Бѣлинскому, во время обѣда, свои стишки, которые сталъ писать съ двѣнадцатилѣтняго возраста.

Изъ пансіона Комарова я поступилъ въ 1844 г. въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, кавалерійскихъ юнкеровъ. Въ 1844 г. командовалъ Школою полковникъ Сутгофъ [2]), эскадрономъ юнкеровъ полковникъ Фондеръ-Лауницъ, а ротою подпрапорщиковъ, въ которой былъ и я, полковникъ Лишинъ, тотъ самый незабвенный нашъ отецъ командиръ Андрей Ѳедоровичъ, который въ чинѣ генералъ-лейтенанта здравствуетъ и понынѣ. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ, впослѣдствіи инженеръ-генералъ, А. М. Павловскій. Ротными офицерами: поручикъ Сумороцкій [3]), штабсъ-капитанъ Гернетъ, штабсъ-капитанъ Денъ и поручикъ Людвигсгаузенъ Фонъ-Вольфъ. Изъ кавалерійскихъ же офицеровъ помню только троихъ: ротмистровъ Врангеля, Крюднера и

---

[1]) Бывшаго старшаго чиновника особыхъ порученій при министрѣ иностранныхъ дѣлъ графѣ Нессельроде, А. П. Еврепнова.

[2]) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и членъ Военнаго Совѣта.

[3]) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и командиръ дивизіи.

Герлаха. При Сутгофѣ, заведеніе это было въ блестящемъ видѣ, пища была отличная. Самъ Сутгофъ обходился ласково съ воспитанниками, въ числѣ которыхъ было очень много богатыхъ княжескихъ и графскихъ фамилій, но за то былъ не только строгъ, но просто жестокъ съ стариками инвалидной роты, а также съ офицерами этой команды. За простой плевокъ, замѣченный гдѣ нибудь на лѣстницѣ, дежурный инвалидъ получалъ 200 розогъ, и полиціймейстеръ школы подполковникъ Брунъ всякій разъ исполнялъ это приказаніе съ буквальною точностію. Экономъ школы, гарнизонный штабсъ-капитанъ Соколовъ изъ фельдфебелей, рѣдкій обѣдъ не получалъ отъ Сутгофа бранныхъ словъ. Но видно хорошо было мѣсто эконома въ Школѣ, когда хотя и гарнизонный, но всетаки штабсъ-капитанъ, не морщась выслушивалъ подобныя привѣтствія. И дѣйствительно, нашъ бравый экономъ, заполучилъ и хорошій домъ, и порядочный капиталецъ, часто ссужалъ юнкеровъ деньжонками, конечно за хорошіе проценты. А мы и любили и жалѣли Соколова; а сколько онъ бывало переноситъ насмѣшекъ отъ юнкеровъ послѣ публичнаго распеканія отъ Сутгофа. Ей Соколовъ! бывало крикнутъ ему юнкера, и тебѣ не стыдно, офицеру, переносить ругательства? Ты бы его въ рожу! и тому подобное. Плюнетъ, бывало, Соколовъ, и уйдетъ въ свой буфетъ.

Точно также обращался Сутгофъ и съ гарнизонными офицерами, состоявшими при швальнѣ. Ей Михайловъ! кричитъ онъ, бывало, при осмотрѣ новыхъ шинелей; послушай, каналья, вѣдь это сукно подмѣнено, въ солдаты разжалую тебя, воръ...!! Но господа гарнизонные офицеры все это терпѣли, вѣроятно по той-же причинѣ, по которой терпѣлъ и Соколовъ. Полковникъ Лишинъ былъ строгій, но справедливый начальникъ и терпѣть не могъ главнаго нашего командира Сутгофа, произведеннаго въ 1846 г. въ генералы. Лишинъ меня любилъ и отличалъ отъ прочихъ. За примѣрно хорошее поведеніе я былъ произведенъ сначала въ ефрейторы, и наконецъ въ унтеръ-офицеры, и изъ собственныхъ рукъ Великаго Князя Михаила Павловича получилъ серебряный темлякъ. Болѣе всего Лишинъ любилъ меня за знаніе фронта, и за то, что я неоднократно подходилъ ординарцемъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, и однажды въ лагерѣ въ Петергофѣ, въ годъ свадьбы Великой Княжны Ольги Николаевны, къ Государю Императору Николаю Павловичу. Колоссальная, прекрасная личность этого Царя-рыцаря и сейчасъ во всемъ блескѣ рисуется въ моей памяти. И нигдѣ мы не имѣли болѣе удобнаго случая видѣть весь бытъ царской семьи, какъ во время лѣтней стоянки въ лагеряхъ близъ Петергофа. По праздникамъ насъ отпускали гулять въ Петергофскіе

сады, и въ самую Александрію, гдѣ мы просто въ окно смотрѣли, какъ живетъ царское семейство. Въ особенности остались у насъ въ памяти Петергофскіе праздники по случаю свадьбы Великой Княжны Ольги Николаевны. Свадьба эта была въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, и во все время я стоялъ въ полной формѣ съ ружьемъ, часовымъ у дверей церкви, видѣлъ весь свадебный кортежъ; и любовался на молодую красавицу, къ мужу же ея, тогда еще наслѣдному принцу Вюртембергскому, только что получившему форму Нижегородскаго драгунскаго полка, по случаю назначенія шефомъ этого полка, я подходилъ на ординарцы послѣ церковнаго парада, и въ первый разъ въ жизни увидалъ на этомъ парадѣ фельдмаршала князя Паскевича и генерала А. П. Ермолова, пріѣзжавшихъ по случаю этой свадьбы. Скажу кстати здѣсь, что я, вмѣстѣ съ двумя красивѣйшими изъ подпрапорщиковъ, а именно: графомъ Татищевымъ*) и княземъ Мещерскимъ, по повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, изображены въ портретахъ и во весь ростъ, въ полной формѣ на извѣстной картинѣ, художника Лядюрнера: присяга Наслѣдника Цесаревича.

Наконецъ въ 1848 г. 13 Іюня произведенъ я въ офицеры лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Къ этому времени пріѣхалъ въ Петербургъ старикъ отецъ мой, пробылъ недѣлю послѣ присяги принесенной нами нововыпущенными офицерами въ церкви Дворянскаго полка, уѣхалъ въ Симбирскъ, оставивъ мнѣ 18 лѣтнему офицеру, кромѣ самаго полнаго и блестящаго обмундированія, исполненнаго въ мастерской извѣстнаго въ то время военнаго портного Брунста, 8-мь пудовъ столоваго серебра и 12,000 руб. серебромъ денегъ: мое полное годовое содержаніе. Можно конечно представить себѣ всю радость молодого и богатаго прапорщика, и вотъ наконецъ, получивши всѣ надлежащія бумаги, я и товарищъ мой Н. И. Миллеръ, вмѣстѣ выпущенный со мною въ одинъ полкъ, отправились прямо въ лагерь въ Красное Село, чтобы явиться къ начальству и начать службу. Едва успѣли намъ отвести офицерскія палатки, а уже въ моей крѣпостной мой человѣкъ Иванъ Ростиславовъ, съ помощію солдатъ устраивалъ мнѣ постель, и столы съ обильнымъ количествомъ винъ и всякихъ закусокъ, на случай перваго знакомства съ офицерами; мы оба, переодѣвшись въ полную парадную форму, пошли являться къ своему полковому командиру генералъ-маіору Довбышеву. Взошедши въ его домикъ вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ штабсъ-капитаномъ Пацукевичемъ, мы увидали сердитаго старика съ сѣдыми усами въ сюртукѣ безъ эполетъ. Увидавъ насъ и бросивъ

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, бывшій корпусный командиръ. О князѣ же Мещерскомъ не знаю, гдѣ онъ и въ какомъ чинѣ.

небрежно на столъ наши бумаги, онъ сказалъ обращаясь къ адъютанту: этого! (то есть меня) въ третью карабинерную роту, а этого! (указывая на Миллера) въ 8-ую Егерскую роту. Намъ же онъ сердито сказалъ: Я вашу Школу терпѣть не могу, и вмѣстѣ съ вашимъ бывшимъ начальникомъ. Какъ, командиръ даетъ поблажку молокососамъ и пьетъ съ ними Шампанское! У меня этого нѣтъ, и намотайте себѣ на усъ: за каждую неисправность взыщу безъ потачки. У меня или служить, или вонъ. Пораженные какъ громомъ этимъ привѣтствіемъ, мы, блѣдные отъ волненія, вышли отъ генерала и пошли представляться баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ. Едва я пришелъ въ свою палатку, гдѣ все уже было прибрано, а на столѣ красовались вина и закуски, пришелъ адъютантъ и еще два офицера моей роты, поручикъ Костинъ и подпоручикъ Захарьинъ. Чай было уже готовъ, и мы начали пить его и закусывать. Не прошло получасу, какъ явился къ намъ въ палатку пожилой офицеръ въ шинели въ рукава, въ одной рубашкѣ и нижнемъ бѣльѣ. Обращаясь къ батареѣ бутылокъ, онъ вскрикнулъ: здорово, ребята! а нашъ адъютантъ тотчасъ же отрекомендовалъ намъ эту интересную личность. Это былъ прекраснѣйшій и благороднѣйшій старый и заслуженный полковникъ Ридигеръ, но неумѣренно пившій, почему и не командовалъ баталіономъ, но былъ переведенъ къ намъ младшимъ штабъ-офицеромъ изъ капитановъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Милѣйшій человѣкъ этотъ сразу подружился съ нами, и у насъ къ концу дня перебывало много офицеровъ.

Командиръ 3-го баталіона, въ который я поступилъ, былъ старикъ полковникъ Короткевичъ-Начевной, а ротный мой командиръ капитанъ К....ій. Этотъ послѣдній оказался не только жестокимъ человѣкомъ по отношенію къ солдатамъ, но самымъ хладнокровнымъ палачемъ: палки и розги въ ужасающемъ количествѣ были у него въ полномъ ходу за всякую бездѣлицу. Тиранить солдатъ, мнѣ кажется, было ему наслажденіемъ. Къ тому же онъ нерѣдко требовалъ, когда наказаніе назначалось передъ всею ротою, чтобы офицеры были въ строю. Нечего и говорить, что я возненавидѣлъ этого человѣка, нерѣдко по наговору его сиживалъ подъ арестомъ, и только уже во время Венгерскаго похода, когда поротье солдатъ розгами и палками производилось всякій день, и на каждой дневкѣ, и на дворѣ нашей квартиры, я съ большимъ трудомъ и по ходатайству баталіоннаго командира 2-го баталіона полковника Борисова, былъ переведенъ въ этотъ баталіонъ, и наконецъ разстался съ варваромъ К.....ъ.

Полковой командиръ нашъ, генералъ-маіоръ Довбышевъ*) былъ старый вдовецъ, человѣкъ сердитый и также жестокій, но его любилъ шефъ нашего полка Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ибо дѣйствительно, въ строевомъ отношеніи, полкъ путемъ жестокихъ наказаній солдатъ былъ доведенъ по истинѣ до полнаго совершенства. Были у насъ ротные командиры, которые давали солдатамъ по 700 розогъ и 300 палокъ.

Раскажу про послѣдній въ жизни Великаго Князя Михаила Павловича смотръ полку нашему на первой днеькѣ по случаю Венгерскаго похода, въ Маѣ мѣсяцѣ 1849 г. въ Ропшѣ. Полкъ былъ построенъ развернутымъ фронтомъ по тогдашнему въ три шеренги. Носились слухи, что въ этотъ день Великій Князь былъ не въ духѣ, и мы съ трепетомъ ожидали появленія нашего шефа. И вотъ пріѣхалъ онъ вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Сумароковымъ, который только что назначенъ былъ корпуснымъ командиромъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Не садясь на лошадь, онъ пѣшкомъ пошелъ къ полку, и лишь только солдаты взяли на караулъ и музыка заиграла походъ, онъ махнулъ рукой знакъ музыкантамъ перестать. Держа на караулъ, мы замерли и ожидали грозы. Вотъ подошелъ Великій Князь къ ротѣ Его Высочества. Обратясь къ Сумарокову, онъ сказалъ: „Ваше высокопревосходительство, я прошу васъ посмотрѣть на этотъ полкъ; это бриллiантовый полкъ. Здорово, ребята, молодцы егеря!“ крикнулъ онъ. Дружный откликъ пронесся въ воздухѣ и мы всѣ ожили. Тотчасъ-же подали верховыхъ лошадей, раздалась команда: къ церемоніальному маршу, по взводно на взводныя дистанціи, и мы молодецки пошли. Тутъ похваламъ не было конца. Молодцы, спасибо! Одинъ другого лучше! безпрестанно слышалось изъ устъ Августѣйшаго шефа, и это было наше послѣднее свиданіе; ибо, какъ извѣстно, Великій Князь скончался въ Варшавѣ въ 1849 году.

Полкъ нашъ доходилъ до крѣпости Брестъ-Литовска, гдѣ и содержалъ караулы и по окончаніи войны возвратился въ Ораніенбаумъ.

Здѣсь я считаю не лишнимъ разсказать и о томъ, какъ встрѣчали нашъ полкъ во время Венгерскаго похода въ городахъ. Первая встрѣча полку нашему была въ Псковѣ, гдѣ, по распоряженію тогдашняго губернатора князя Черкасскаго, солдаты были хорошо угощены на площади, а въ Собраніи гг. офицеры. Подъ Вильною, многіе офицеры наши, въ

*) Впослѣдствіи дивизіонный командиръ, умеръ въ чинѣ генералъ отъ инфантеріи. Баталіоннымъ же адъютантомъ 3-го баталіона былъ подпоручикъ Брандтъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи.

томъ числѣ и я, были приглашены въ имѣніе князя Шадурскаго на балъ, и это было первое наше знакомство съ красавицами-польками. Въ Гроднѣ встрѣтилъ нашъ полкъ военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Ховенъ, и также было угощеніе солдатамъ и офицерамъ. Но самый роскошный обѣдъ былъ данъ намъ въ Высоко-Литовскѣ, во дворцѣ знаменитаго магната, князя Сапѣги. Самъ онъ былъ тогда въ Варшавѣ, но прислалъ приказаніе своему метръ-д'отелю дать обѣдъ всѣмъ офицерамъ и угостить столѣтнимъ Венгерскимъ виномъ. Здѣсь мы любовались и знаменитою картинною галлереею князя Сапѣги, которая, какъ говорятъ, стоила болѣе милліона рублей, а въ молельнѣ княгини Сапѣги, рожденной графини Потоцкой, любовались распятіемъ изъ слоновой кости на черномъ деревѣ, сплошь усыпаннымъ брилліантами. Въ крѣпости-же Брестъ-Литовскѣ насъ также угощалъ комендантъ генералъ-лейтенантъ Бартоломей, у котораго мы часто бывали послѣ на танцовальныхъ вечерахъ, и у котораго была красавица-дочь, семнадцатилѣтняя невѣста. Не забуду также, какъ однажды не всему полку, но нашей 3 карабинерной ротѣ удалось дневать въ имѣніи молодой красавицы и молодой вдовы княгини Урусской. Эта милая владѣтельница большаго имѣнія, не вдалекѣ отъ города Слонима, выѣхала сама встрѣтить нашу роту верхомъ на великолѣпномъ конѣ, одѣтая въ шитый золотомъ кунтушъ. Она дала намъ прекрасный обѣдъ, и мы еще слушали ея прекрасное пѣніе.

Крѣпостная служба наша въ Брестъ-Литовскѣ была тяжка и по военному времени строга чрезвычайно. Множество политическихъ арестантовъ содержалось въ этой крѣпости, а въ караулъ или на крѣпостные работы доводилось ходить черезъ день, такъ что вскорѣ присланъ былъ намъ на подмогу гренадерскій Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма полкъ, одной съ нами бригады. Еще къ счастію 3-ій баталіонъ, въ которомъ я служилъ, былъ расположенъ на форштадтѣ, 4 версты отъ крѣпости. Другіе же баталіоны стояли въ самой крѣпости, и здѣсь офицерамъ житье было худое, во первыхъ всегда на глазахъ у начальства, и во вторыхъ, по пробитіи зари запирались всѣ ворота, и никому нельзя было сообщаться съ предмѣстіями, кромѣ самого коменданта. Самымъ лучшимъ офицерскимъ карауломъ въ Брестѣ-Литовскѣ мы считали караулъ въ Катенбургскомъ военномъ госпиталѣ. Это восемь верстъ отъ крѣпости, и при томъ среди великолѣпныхъ садовъ. Но самая непріятная караульная служба выпадала намъ, въ особенности молодымъ офицерамъ, въ Петербургѣ, куда приходилъ полкъ изъ Оріенбаума занимать караулы съ конца Августа по Октябрь мѣсяцъ, когда прочіе гвардейскіе полки отпускались послѣ

лагернаго сбора, на домашнія работы. Офицерскіе караулы были тогда многочисленны, у всѣхъ заставъ, и у многихъ другихъ мѣстъ, даже въ Галерной гавани у старыхъ магазиновъ съ старыми канатами и якорями. При этомъ надо замѣтить, что въ караулъ мы ходили въ полной парадной формѣ при шарфѣ и при знакѣ, и даже разстегнуть воротникъ въ ночное время считалось за преступленіе. Самымъ лучшимъ карауломъ считался караулъ въ Зимнемъ дворцѣ, куда ходила рота со знаменемъ и съ полнымъ хоромъ музыкантовъ. Здѣсь давался и великолѣпный царскій обѣдъ. Плохими же или лучше сказать трудными караулами считались два, на гауптвахтѣ при Сенатѣ и Синодѣ, и на Сѣнной площади: ибо здѣсь безпрестанно проѣзжало начальство, и надо было чрезвычайно часто отдавать честь. За то въ зимнее время въ Ораніенбаумѣ служба была легче. Офицерскій караулъ былъ одинъ, а именно во дворцѣ Великой Княгини Елены Павловны, но за то, когда пріѣзжалъ къ намъ дѣлать зимою инспекторскіе смотры бывшій тогда начальникомъ нашей 3-й гвардейской дивизіи генералъ-лейтенантъ Овандеръ, то это время (и нерѣдко цѣлый мѣсяцъ) мы считали прямо за каторгу. Распеканій и всякихъ взысканій и арестованій трудно было даже перечесть. Пойдетъ, бывало, начальникъ дивизіи на кухню, вынетъ бѣлый платокъ и потрётъ имъ внутренность котла. Бѣда, если на платкѣ окажется хоть соринка. А результатъ извѣстенъ: виновному или палки или розги. Кромѣ того къ полковому командиру ежедневно являлись по утру поочередно отъ каждой роты ординарцы съ ружьями и вѣстовые, и дежурные по полку и баталіонамъ офицеры, и командиръ той роты, отъ которой назначились ординарцы. Солдатики, ни живы ни мертвы, подходили къ генералу, и первое обычное привѣтствіе его было: „какъ стоишь каналья!“ и прямо въ зубы. И это почти каждый день, и съ каждымъ ординарцемъ. Офицерамъ также привѣтствіе: или на гауптвахту, или въ караулъ не въ очередь. Когда же бывало онъ смотритъ фурштатскую команду, то навѣрнякъ всѣмъ унтеръ-офицерамъ разобьетъ зубы и скулы. Фурштатскаго же офицера-поручика Кочетова изъ солдатъ, нерѣдко ругалъ онъ по ямщицки. Полковой адъютантъ нашъ былъ въ свою очередь страшилищемъ для писарей канцеляріи и для музыкантовъ: первыхъ лупилъ онъ прямо по лицу и по чемъ попало линейкой, а вторыхъ полусаблей изъ собственныхъ рукъ. Самымъ-же лучшимъ начальникомъ у насъ въ полку, оставившимъ по себѣ добрую память, былъ старшій штабъ-офицеръ, командиръ 1-го баталіона, полковникъ Воропай. Точно также любили у насъ и полковника Ридигера, о которомъ я уже упомянулъ (онъ умеръ отъ холеры въ 1849 г. въ Брестъ-Литовскѣ, въ Катенбургскомъ военномъ госпиталѣ, наканунѣ выхода нашего полка изъ Брестъ-Литовска).

Говоря о караульной службѣ нашего стараго времени, я забылъ упомянуть о томъ, что два раза случилось мнѣ быть дежурнымъ въ холерномъ Красносельскомъ госпиталѣ, въ Іюлѣ 1848 г. Въ самый сильнѣйшій разгаръ холеры были дни, въ которые привозили и днемъ и ночью въ этотъ госпиталь до тысячи человѣкъ больныхъ изъ Красносельскаго лагеря. Сцены, которыя я при этомъ видѣлъ, не поддаются никакому описанію. Самъ Государь Николай Павловичъ лично и часто посѣщалъ этотъ госпиталь и однажды назвалъ дуракомъ корпуснаго штабъ-доктора Нагумовича, когда тотъ, притворяя дверь, не рѣшался пускать Государя къ самымъ труднымъ больнымъ, одержимымъ тифомъ и холерою. Государь все-таки обошелъ при этомъ всѣхъ помянутыхъ больныхъ. Объ этомъ разсказывалъ мнѣ товарищъ мой поручикъ Костинъ, который былъ въ тотъ день дежурнымъ и при которомъ Государь посѣтилъ госпиталь. Лагерная наша служба была очень трудна какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ, тѣмъ болѣе, что тогда солдаты и въ сильные жары ходили на ученье въ толстыхъ сѣрыхъ шинеляхъ. А военное поле въ Красносельскомъ лагерѣ мы иначе не называли какъ полемъ брани. Для меня молодого офицера, не любившаго вообще тѣлесныхъ наказаній, было ужасно присутствовать и при наказаніяхъ сквозь строй, по опредѣленіямъ военно судныхъ коммисій. Однажды мнѣ довелось быть въ строю при наказаніи преступника 6000 ударами шпицрутеновъ. Я едва могъ вынести это зрѣлище.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1849 г. полкъ нашъ возвратился изъ похода, и прямо съ похода прибылъ въ Петербургъ для высочайшаго смотра, который былъ назначенъ на Дворцовой площади вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Литовскимъ полкомъ. Государь лично смотрѣлъ насъ (въ 20 градусовъ мороза) и пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ, послѣ чего мы отправились на ночлегъ въ Михайловскій манежъ. Здѣсь въ 4 часа по полудни смотрѣлъ нашъ полкъ Александръ Николаевичъ, бывшій тогда главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а на слѣдующее утро мы пошли на зимнюю стоянку нашу въ Ораніенбаумъ.

Въ 1848 году служилъ у насъ штабсъ-капитаномъ и казначеемъ Левъ Александровичъ Кавелинъ, чрезвычайно хорошо ко мнѣ относившійся. Нынѣ это заслуженный ученый, членъ многихъ ученыхъ обществъ и маститый намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ. Затѣмъ я былъ лично хорошо знакомъ съ бывшимъ начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ, а впослѣдствіи чрезъ него получилъ особенно лестную монаршую благодарность за предоставленное мною мнѣніе о

приведеніи въ дѣйствіе проэкта объ улучшеніи быта крестьянъ. Еще въ школѣ подпрапорщиковъ черезъ родственника моего д. ст. совѣтника Алексѣя Петровича Евреинова[1]), въ семействѣ котораго проводилъ всѣ праздники, имѣлъ я случай познакомиться со всесильнымъ тогда государственнымъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельроде, а офицеромъ былъ принятъ у его дочерей, баронессы Зеебахъ и графини Хрептовичъ. Я присутствовалъ на великолѣпной свадьбѣ молодого графа Нессельроде, женившагося на графинѣ Закревской. Кромѣ этого, я былъ принятъ, какъ родной, у почтеннѣйшей старушки Александры Ивановны Татариновой, единственный сынъ которой, Валеріанъ Алексѣевичъ, былъ впослѣдствіи статсъ-секретаремъ и государственнымъ контролеромъ. Сестры его, бывшія въ то время замѣчательными музыкантшами, вышли замужъ: Анна за Разводовскаго, а Елисавета за камергера Ячевскаго. Чрезъ это милое семейство я имѣлъ случай, еще мальчикомъ двѣнадцати лѣтъ, быть въ двухъ концертахъ, которые давалъ въ Петербургѣ знаменитый Листъ. Впослѣдствіи я имѣлъ случай слышать Листа уже за границей и играть въ его присутствіи, такъ какъ я самъ былъ порядочный музыкантъ.

Не могу пройти молчаніемъ еще одного случая, который съ дѣтскихъ лѣтъ особенно врѣзался мнѣ въ память. Еще въ 1837 г., меня семилѣтняго мальчика, взялъ отецъ мой къ доживавшему тогда послѣдніе годы своей жизни, знаменитому старцу графу Юлію Помпеевичу Литтѣ. Дѣдъ мой былъ съ нимъ друженъ и пріобрѣлъ за деньги право ношенія потомственно кавалерскаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго. И вотъ величавый старецъ, нѣкогда знаменитый бальи ордена Мальтійскихъ рыцарей, принялъ ласково насъ и своеручно украсилъ мою грудь орденомъ Мальтійскихъ рыцарей. Крестъ этотъ хранился у меня до пожара, уничтожившаго Симбирскъ въ 1864 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣло все мое состояніе, капиталъ и вещи (такъ какъ землю я продалъ сестрѣ моей) и вотъ изъ богатаго человѣка я сдѣлался нищимъ. Въ числѣ многихъ орденовъ, которые я имѣю, и при томъ тѣхъ, которые я не носилъ, могу упомянуть про крестъ Св. Гроба, пожалованный мнѣ въ Іерусалимѣ въ 1858 году[2]), и про орденъ Льва и Солнца,

[1]) А. П. Евреиновъ личность замѣчательная. Онъ управлялъ имѣніями графа Нессельроде, былъ его другомъ и, можно сказать, что въ 1848 и другихъ годахъ, былъ властнымъ лицомъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. Онъ скончался года три тому назадъ, 85-лѣтнимъ старикомъ, и оставилъ громадное состояніе въ нѣсколько милліоновъ своей женѣ, а послѣ ея смерти единственной дочери, великолѣпное подмосковное имѣніе и домъ въ Петербургѣ.

[2]) Католическимъ епископомъ, вслѣдствіе бревѣ папы Пія IX за пожертвованія.

который я получилъ за описаніе посѣщенія шахомъ эскадры Россійскихъ судовъ на Феррахъ-абадскомъ рейдѣ 19 Апрѣля 1866 г.

Изъ бывшихъ моихъ совоспитанниковъ по школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ могу еще указать и на понынѣ еще здравствующаго и высокоуважаемаго вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семенова, генералъ-лейтенанта и бывшаго корпуснаго командира графа Татищева и на недавно умершихъ бывшаго шефа жандармовъ генералъ-лейтенанта Селиверстова (убитаго въ Парижѣ) и генералъ-лейтенанта Эссена, бывшаго дивизіоннаго командира. Изъ знаменитыхъ же лицъ, учившихся со мною въ пансіонѣ, могу указать на высокоуважаемаго товарища министра государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря В. И. Вишнякова. Онъ былъ первымъ ученикомъ въ пансіонѣ Филипова, и имя его записано тамъ на почетной доскѣ. Изъ лицъ-же, которыя были выпущены изъ школы подпрапорщиковъ въ первый годъ моего поступленія туда, укажу на покойнаго предсѣдателя Верховной Коммиссіи, генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова. Кстати скажу здѣсь, что почтеннѣйшій нашъ духовный отецъ и наставникъ, Кириллъ Крупскій и сейчасъ проходитъ доблестно свое пастырское служеніе въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ, не такъ давно еще праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего священства и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

Въ началѣ 1850 года, сильно простудившись, я вышелъ въ отставку по болѣзни подпоручикомъ, и опишу теперь вкратцѣ мою гражданскую службу и дѣятельность. Пріѣхавъ въ Симбирскъ, я былъ въ томъ-же 1850 году выбранъ дворянствомъ Симбирской губерніи депутатомъ дворянства, въ бытность губернскимъ предводителемъ дворянства Николая Тимофеевича Аксакова. Обладая большимъ богатствомъ, покойный Николай Тимофеевичъ жилъ побарски; его обѣды и балы привлекали всю Симбирскую публику, и я былъ принятъ у него какъ родной. Это было время хорошаго и привольнаго житья тогда еще не разорившихся дворянъ. Губернаторомъ былъ князь Черкасскій, настоящій аристократъ, имѣлъ дочь невѣсту, и давалъ также балы и обѣды. Симбирскимъ архіереемъ былъ тогда незабвенный для Симбирской епархіи, въ послѣдствіи архіепископъ и членъ Святѣйшаго Синода Ѳеодотій*), отецъ сиротъ, учредитель Симбирскаго епархіальнаго женскаго учи-

*) Племянникъ его, мой старинный и добрый знакомый, бывшій ректоръ Симбирской Семинаріи, нынѣ епископъ Смоленскій, въ монашествѣ Гурій, въ мірѣ Николай Васильевичъ Охотинъ.

лища, и многихъ другихъ полезныхъ заведеній, человѣкъ добрый, хлѣбосольный, хотя и необыкновенно горячій, но не сдѣлавшій никому зла; его любили и горько его оплакивали и духовенство, и граждане. Этотъ ученый и добрѣйшій архипастырь былъ другомъ моего отца, любилъ и меня. Онъ похороненъ въ Симбирскомъ Николаевскомъ соборѣ. Къ числу богатыхъ Симбирскихъ помѣщиковъ того времени надо отнести также двоихъ моихъ товарищей по пансіону Филипова, братьевъ Языковыхъ, родныхъ племянниковъ поэта Н. М. Языкова. Оба они только что женились тогда на двухъ сестрахъ княжнахъ Гагариныхъ, имѣли богатѣйшія имѣнія Ундоры, Языково и прочія, и жили великолѣпно. Тогда же часто живалъ въ Симбирскѣ извѣстный поэтъ Д. П. Ознобишинъ, чрезвычайно начитанный и умный человѣкъ, и былъ еще живъ также извѣстный воинъ-писатель и нумизматъ, князь Баратаевъ и извѣстный геологъ П. М. Языковъ. Нелишнимъ считаю сказать здѣсь, что я, ѣхавши изъ Петербурга въ Симбирскъ, посѣтилъ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, имѣвши письмо къ намѣстнику этой лавры архимандриту Антонію, и въ подробности осмотрѣлъ всѣ сокровища этой обители, посѣтилъ затѣмъ Саровскую пустынь и Дивеевскую общину, а въ Нижнемъ-Новгородѣ познакомился также по рекомендательному письму, въ Печерскомъ монастырѣ, съ извѣстнымъ іеромонахомъ Іоанномъ Тамбовскимъ, который былъ келейникомъ святого старца Серафима Саровскаго.

Живя съ отцомъ въ Симбирскѣ, я имѣлъ совершенно особое помѣщеніе и собиралъ вокругъ себя кружокъ любителей музыки. Еще въ военной службѣ я былъ лучшимъ ученикомъ Герке, Гензельта, и Лауе, и не разъ игралъ на роялѣ въ концертахъ, а много лѣтъ спустя, когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я былъ за границею и въ Веймарѣ былъ у Листа, онъ благословилъ меня на музыкальное поприще. Но судьба не хотѣла этого. Предавшись всецѣло научнымъ занятіямъ статистикою и этнографіею, я въ 1868 году былъ избранъ за труды мои въ члены-сотрудники Императорскаго Русскаго Географическаго общества, въ дѣйствительные члены Симбирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, въ члены Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, въ члены-корреспонденты Россійскаго общества покровительства животнымъ, въ пожизненные братчики братства св. Сергія при Симбирской классической гимназіи, въ члены совѣта этого общества, и въ члены-учредители Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Кромѣ того, я состоялъ членомъ-ревнителемъ общества возстановленія православнаго Христіанства на Кавказѣ съ правомъ ношенія знака креста

святой Равноапостольной Нины, и членомъ общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, съ правомъ ношенія серебрянаго креста этого Общества. Я совершилъ многія поѣздки съ ученою цѣлію четыре раза, въ губерніи: Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Астраханскую, Оренбургскую, Пермскую и Вятскую, и составилъ довольно объемистое описаніе флоры и фауны Гумберлинскихъ горъ между Оренбургомъ и Орскомъ. Составлено мною описаніе всѣхъ населенныхъ мѣстностей Симбирской губерніи, напечатанное въ Памятной книжкѣ Симбирской губерніи на 1868—1869 г. Четыре медали, три креста, и 26 именныхъ высочайшихъ благодарностей были наградою за эти труды. За патріотическія стихотворенія, поднесенныя мною особамъ Императорскаго дома, я получилъ много высочайшихъ благодарностей, большую серебряную коронаціонную медаль, въ день Коронованія Государя Императора, драгоцѣнный подарокъ отъ Государыни Императрицы, денежное пособіе по случаю коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, три пособія отъ Государя Наслѣдника-Цесаревича и отъ великихъ князей, Константина Николаевича, Сергія и Владимира Александровичей и три пособія отъ литературнаго фонда.

Въ 1858 г., я исполнилъ старинное мое задушевное желаніе и вмѣстѣ съ крестнымъ отцомъ моимъ, К. Д. Луцкимъ (отцомъ бывшаго Екатеринославскаго вице-губернатора В. К. Луцкаго), совершилъ поѣздку въ Іерусалимъ. Отправясь черезъ Одессу, Константинополь, Смирну и Яффу, мы прибыли къ Страстной недѣлѣ въ Іерусалимъ. Здѣсь я познакомился съ нашимъ Русскимъ архіереемъ Кирилломъ, епископомъ Мелитопольскимъ, жившимъ послѣ въ Казани, и сдѣлался духовнымъ сыномъ знаменитаго тогда намѣстника патріарха, митрополита Петры Аравійской, старца Мелетія. Встрѣтивъ свѣтлое Христово Воскресеніе въ Іерусалимѣ, мы на Ѳоминой недѣлѣ посѣтили съ караваномъ богомольцевъ всѣ замѣчательныя святыя мѣста, и мой крестный отецъ возвратился тѣмъ-же путемъ въ отечество, а я посѣтилъ Каиръ, Александрію, посѣтилъ пирамиды, но не лазилъ на пирамиды, не считая нужнымъ подвергать себя опасности, точно также не спускался и въ подземные ходы; за то купилъ много замѣчательныхъ древнихъ вещей, посѣтилъ знаменитый Булакскій музеумъ и пріобрѣлъ мумію. За тѣмъ, черезъ Тріестъ и Вѣну, я пріѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда, совершивши поѣздку на Валаамъ и возвратясь обратно въ Петербургъ, пріѣхалъ на родину. За тѣмъ я прослужилъ три года попечителемъ Симбирскихъ губернскихъ земскихъ больничныхъ и богоугодныхъ заведеній, три года директоромъ Симбирскаго губернскаго

попечительнаго о тюрьмахъ комитета, шесть лѣтъ почетнымъ смотрителемъ Симбирскихъ училищъ, два раза былъ редакторомъ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и 4 года секретаремъ Симбирскаго общества Сельскаго хозяйства. Снова выбранный дворянствомъ въ депутаты въ 1870 г. я прослужилъ еще два трехлѣтія депутатомъ и кандидатомъ уѣзднаго предводителя и во все это время завѣдывалъ казначейскою частію Симбирскаго дворянскаго Депутатскаго Собранія и дѣлами посреднической коммиссіи и получилъ за это наилучшій аттестатъ. Не имѣвъ возможности оправиться отъ страшнаго пожара, я еще два раза подвергся тому-же бѣдствію и окончательно разорился. Здоровье мое и безъ того надломленное многочисленными путешествіями, окончательно разстроилось къ 1880 году. И съ тѣхъ поръ я болѣю. Болѣе 150-ти статей моихъ, по части Статистики и Этнографіи, напечатаны въ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ изданіяхъ Симбирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, и во многихъ журналахъ и газетахъ. Стихотворенія мои напечатаны отдѣльною брошюрою въ 1862 г., но главныя изъ нихъ, а именно патріотическія, еще ждутъ своей очереди. Я говорю здѣсь о трудахъ моихъ, которые были исполнены послѣ 1864 г., то есть послѣ страшнаго Симбирскаго пожара; все же, что было ранѣе, въ особенности-же путевыя замѣтки мои, погибли въ огнѣ. 19-го Января сего 1891 г., совершилось пятидесятилѣтіе моей литературной дѣятельности, такъ какъ первое мое стихотвореніе было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ въ этомъ мѣсяцѣ 1841 г., когда я былъ еще мальчикомъ 11 лѣтъ и поступилъ въ приготовительный пансіонъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ къ горному инженеру подполковнику Вержбицкому. Грустно прошелъ этотъ день для меня старика, всѣми и давно уже забытаго. Близкіе родные померли; сестрино, хотя и богатое, потомство не живетъ въ Симбирскѣ, а въ перспективѣ одинокая и бѣдная могила.